

УДК 1(091)

Х.-Г. ГАДАМЕР: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПОВЕСТВОВАНИЕ

А.В. Ташкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется понимание Х.-Г. Гадамером роли языка в историческом познании. Сравняется его позиция с идеями англо-американских философов, обращающихся к этому тематическому полю. Ставится задача показать влияние трактовки языка, предложенной Гадамером, на его понимание исторического исследования и исторического опыта в целом. Предпринимается попытка показать единство и взаимосвязь категориального аппарата философской герменевтики Гадамера в свете проблемы языка.

Ключевые слова: *язык (Sprache), нарратив, повествование, традиция, предание, исторический опыт, феномен языка, интерпретация, объяснение, истина, пред-суждение, понимание (Verstehen).*

Развивая теорию исторического опыта, Гадамер исследует феномен языка, которому посвящён последний третий раздел его главного труда – «Wahrheit und Methode». Философу важно понять: может ли язык в историческом исследовании способствовать нашему пониманию прошлого? Какие препятствия встречает историк на пути языковой реконструкции минувших событий?

Рассуждения о языке являются одной из главных тем англо-американской аналитической философии XX в. Тем интереснее кратко сопоставить взгляды её представителей с гадамеровской языковой теорией, выросшей на почве континентальной европейской традиции. Главным ориентиром для нас станет влияние языка на понимание и интерпретацию исторических событий. Важно проанализировать позицию Гадамера в отношении роли языка в историческом повествовании.

Пытаясь дать определение «философии языка», встречаем первую трудность. Ряд отечественных и зарубежных исследователей отмечает сложность в чётком определении всего многообразия явлений, определяющих предметную область данного понятия [10, с. 7–8]. В заокеанской традиции Сёрлом предпринята попытка разделения на философию языка и лингвистическую философию [9, с. 6]. Однако существуют и противники такого размежевания. М. Соболева выдвигает следующие аргументы против позиции Д. Сёрла: «Здесь не удалось однозначно разграничить сферы действия лингвистической философии и философии языка, поскольку первая понимает себя не только как вспомогательное техническое средство, но и претендует на то, чтобы решать задачи философии языка» [10, с. 10]. Также не совсем оправдано, на взгляд исследовательницы, ограничивать область философии языка логико-лингвистическим анализом.

Анализируя концепции своих предшественников, Д. Сёрл выделяет наиболее важную для него задачу языка: «Все они (рассмотренные концепции Фреге, Рассела и Витгенштейна. – *А.Т.*) предполагают, что единственная или, по крайней мере, основная, функция языка заключается в репрезентации и пе-

редаче фактической информации, т. е. что реально стоит принимать во внимание только «когнитивную» часть языка. Короче говоря, целью языка признаётся сообщать о том, что может быть истинным или ложным» [9, с. 13]. В связи с такого рода подходом возникает и проблема анализа исторического повествования и составляющих его отдельных суждений в перспективе их истинностного содержания.

Стремление к истинности значимо, т. к. историки рассуждают о реально происходивших событиях (в отличие от художественного рассказа) и все их описания стремятся к достоверности, от чего зависит доверие к ним и право стать частью исторического опыта. Именно познавательные задачи нарратива были в центре внимания А. Данто, видевшего в рассказах «формы объяснения» [5, с. 221–242]. Это важно для историографии. Однако когнитивной составляющей феномен языка не исчерпывается. Вне поля зрения остаётся онтология и роль языка в человеческом бытии, в котором, как ранее показал Гадамер, укоренено и историческое исследование.

Рассматривая проблему языка, философ углубляет свою теорию. Ранее он говорил о понимании «самого дела», как о важном условии достижения «истинного» понимания. Такой процесс проходит при помощи аппликации – практического осуществления понимания на определённом историческом материале и в конкретной герменевтической ситуации. Теперь прежние идеи дополняются замечанием, что «весь этот процесс есть процесс языковой». Язык предстаёт универсальной герменевтической средой, в которой разворачивается понимание «сути дела», именуемое герменевтической задачей. Она осуществляется в ходе «взаимного договаривания собеседников» по поводу самой проблемы. Обозначается интерсубъективный характер феномена понимания и вводится тема диалога, что значимо для исторического исследования. Диалог может возникать между текстом и интерпретатором, между двумя и более толкователями относительного изучаемого повествования.

Именно в этом Гадамер видит основной вопрос герменевтики: «Герменевтическая проблема – это не проблема правильного владения языком, но верного взаимопонимания о деле (Sache), которое совершается языком-посредником» [15, s. 388]. Проблема достижения истинного понимания и истинного высказывания о прошлом приобретает несколько измерений, важнейшим из которых философ видит взаимопонимание в отношении «сути дела», часто осуществляемого в форме разговора в универсальной языковой среде.

Позиция Гадамера отличается от мнения представителя аналитической традиции Б. Рассела, иначе рассматривавшего проблему истинности вербального языка: «Когда эмпирическое мнение истинно, оно истинно посредством определённого события, которое я называю “верификатором”. Я полагаю, что Цезарь был предательски убит; верификатором данного мнения выступает реальное событие, которое произошло в римском сенате много лет назад» [8, с. 254]. Здесь заявлена необходимость соотнесения языка в историческом рассказе с событием прошлого, названного верификатором, т. е. рассмотрения соотношения вербального и невербального опыта.

Однако, реальное событие в истории, как было сказано выше, нельзя наблюдать. Также, мы не можем опросить живых свидетелей и побывать на месте происшествий, т. к. эпоха Древнего Рима периода кризиса республики I в. до н.э. больше не является актуальной действительностью. Рассел не упоми-

нает о необходимости сначала реконструировать историческое событие, убедиться в достоверности такого действия, и только потом соотносить высказанное мнение с описанным событием прошлого. Такая реконструкция облекается в форму нарратива и имеет ярко выраженный языковой характер.

Помимо этого, данное суждение содержит оценочную составляющую, которую необходимо подтвердить или опровергнуть, сопоставив с источниками. Получается, практически единственное, чем располагает историк – это возможность соотнесения своих языковых пред-мнений, гипотез с информацией источников, работа с которыми и формирует для исследователя смысловую действительность прошлого.

Наглядность процесс достижения взаимопонимания (*Verständigung*) обретает в ситуациях, препятствующих его достижению. Так же как при ясности чего-либо нет необходимости в понимании, так и импульсом к установлению взаимного согласия служит изначальное непонимание друг друга участниками диалога или исследователем текста, исторического события.

Первой такой трудностью выступает проблема перевода. Перевод оценивается Гадамером не как простое переложение грамматики и синтаксиса одного языка на другой, а как перенесение реалий одной культурной традиции в другую. В свете сказанного перевод – это прежде всего перевод смыслов. Переводчик сродни толкователю, а сам процесс понимается философом как один из видов интерпретации. Толкование предстаёт способом осуществления перевода, который не зависит от языка полностью и фундируется передаваемым смыслом. Но ему сложно воплотиться в жизнь без подходящего языкового обличья.

Передача смысла позволяет философу вновь затронуть тему *mimesis*. Речь идёт о подражании перевода оригинальному тексту. Переводческая деятельность означает определённую смысловую потерю, невозможность точного и полного перенесения реалий одной культуры на почву другой. *Mimesis* в таком случае компенсирует, творчески дополняет потерянные элементы чем-то подходящим и, что очень важно, знакомым носителям другого языка.

Можно усмотреть и познавательную роль подражания (уже отмеченную на примере рассуждений о *mimesis* искусства), призванного безболезненно вплести изначальное чуждые атрибуты в ткань родной культурной традиции. В виду обилия языков и качественных различий между ними успешность переводческого подражания будет зависеть от каждого конкретного случая. А определённый критерий успеха – соотнесённость с оригинальным текстом.

Гадамер выделяет два направления: перевод во время устной беседы и перевод письменного текста. Отличительная особенность последнего – более чёткая фиксация «жизненных проявлений», которые благодаря этому отделяются от своего создателя (автора) и как самостоятельные участники вступают в отношения с интерпретатором.

Именно фигура интерпретатора наделяет текст способностью говорить от своего лица за счёт соединения языка нарратива с языком толкователя. Если обоих разделяют значительное временное расстояние, делающее невозможным обращение к традиции живой памяти, то такой союз выглядит неременным условием исторического познания. К этому добавляется воплощение диалога интерпретатора и текста в форме «диалектики вопроса и ответа», предшествующего, по мнению Гадамера, «диалектике истолкования».

В сфере языка затрагивается проблема поэтического и прозаического осмысления опыта истории. Философ подмечает удивительную способность поэта словно впервые увидеть события прошлого, тем самым совершив качественное обновление опыта истории. Попытаемся понять некоторые различия поэзии и прозы в их общем стремлении осмыслить временной опыт.

Например, о Юлии Цезаре можно размышлять традиционно в прозаическом нарративе, больше характерном для профессиональной историографии, как делает это Р. Этьен: «Следует по меньшей мере попытаться понять то главное, что определяло его как человека, не поддаваясь влиянию тенденциозных рассказней и слухов, а также восстановить, насколько возможно, его истинный облик» [14, с. 40]. Обращает на себя внимание осознанное стремление французского антиковеда к истине своего повествования, а также к описанию главного без попытки сказать абсолютно обо всём.

Предложим способ поэтического осмысления Цезаря и римской эпохи:

Что нахожу в тебе я, мой герой?

Что рвусь описывать так рьяно?

Своими мыслями живя одним тобой,

Вновь вижу тень поверженного ли тирана?

Нет, не тиран ты и не святой,

Чужда история тоски и крайностей унылых.

Как трудно быть самим собой, стать времени звездой

В толпе завистников безликих.

Как трудно сквозь столетия хранить,

Сквозь мутное течение Леты,

Следы былого, деяний красоту

И славной памяти приметы.

...

О, Цезарь! Историк – друг и добрый критик твой,

Он чести верный твой хранитель.

И вновь, живя одним тобой,

Тебе он создаёт повествования обитель.

Вновь будет соткан твой портрет,

В контексте времени суровом.

Быть может, приоткроешь свой секрет

В обличье новом и глубоком?

...

Луна, как прежде, высоко.

И также светит солнце яркими лучами.

Ты вновь то близко – снова далеко,

В кино и в текстах вместе с нами.

Подобный взгляд, в отличие от рассказа Этьена, не претендует на истинность, а пытается представить личное восприятие исторического опыта и понять – почему к Цезарю до сих пор приковано внимание исследователей.

По сравнению с прозой, поэзия редко достигает такого развёрнутого повествования. Следовательно, каждое слово в поэтическом тексте нагружается заметно большим количеством смыслов. Поэзия более эмоциональна и метафорична, за счёт чего лучше взаимодействует с миром чувств человека, за-

давая импульс и для обращения к произведениям профессиональных историков. В стихах также проявляется диалектика вопроса и поэтического ответа.

Описанные выше явления позволяют более пристально взглянуть в различия устного и письменного языка на примере Повести временных лет (ПВЛ) [4, с. 76–81]. Текст этого письменного свидетельства основывается на множестве собственных источников, одним из которых являются устные предания [4, с. 86–88].

При этом, надёжно установить состав и объём устной традиции мы не можем по причине отсутствия точно определённых критериев, позволяющих отличать тексты, восходящие к фольклорным преданиям от свидетельств, в основе которых лежат письменные нарративы. Разработка такой методики – отдельная историографическая проблема. Подобное наблюдение позволяет нам согласиться с выводом Гадамера о ненадёжности устного предания, а значит и его сомнительных притязаниях на правдивость. В то же время устный язык ближе к человеческому бытию, более динамичен и быстрее переустраивается, отражая изменения временного опыта человека.

Это вовсе не означают, что письменному языку легче претендовать на доверие и признание его истинностного статуса. Прежде чем на основании документа станет возможным строить определённые реконструкции, гипотезы, необходим кропотливый труд по его изучению и критике. Повествовательная фиксация качественно меняет языковую ситуацию. Появляется возможность более надёжно закрепить исторический опыт и происходит отделение языка от его автора. Начинается путешествие текста сквозь столетия и культурные традиции, при условии сохранности источника и признания его ценности.

Последний фактор влияет на масштаб вовлечённости текста в контекст intersubъективных связей и на его архивацию. Появление письменных текстов создаёт устойчивые предпосылки для понимания и интерпретации опыта истории, на что обращает внимание Х.-Г. Гадамер. Толковать устные сообщения намного сложнее из-за их постоянной изменчивости.

Дополняя теорию Гадамера, Г. Люббе отметил увеличившийся поток создания письменных документов, начиная с эпохи модерна [6, с. 153–163]. Такая ситуация поднимает проблему архивации опыта прошлого. Как и что архивировать? По каким критериям? Как влияет текущая историко-культурная ситуация на выработку этих критериев? Исходя из мнения двух немецких философов, можно выделить несколько особенностей письменного языка.

Первое, нарративная фиксация – это осознанное внимание к устной традиции и функция отбора наиболее важных и достойных моментов бытийного опыта. Правда, в современных условиях такое запечатление, на бумаге или электронном носителе, часто носит технический характер. Вспомним квитанции на оплату коммунальных услуг и т. п. Но это не означает, что со временем такие документы не могут служить историческими источниками.

Второе, письменное повествование означает некое отчуждение временного опыта от его носителя. Такое превращение отчасти необходимо для введения бытийного опыта в контекст социальных связей и культуры.

Третье, как отмечает Г. Люббе, возросший поток письменных оформленных исследований в гуманитарной сфере повышает затраты на чтение, осмысление и соотнесение с «собственными познавательными усилиями». Как и в случае с бесконтрольным запоминанием всего и вся, тотальная нарратив-

ная фиксация опыта может помешать его интерпретации в настоящем. Предание повествовательной формы тем успешнее, чем больше сопровождается осознанным умственным усилием, основанным на текущем переживании (Erlebnis) моментов жизни.

С опорой на Платона [7], Гадамер видит одну из задач интерпретации в преодолении отчуждённости письменного текста: «Всё письменное, как мы сказали, есть черта (Art) отчуждённой речи и нуждается в обратном превращении знаков в речь и смысл (Sinn)» [15, s. 397]. Такое преобразование в герменевтической теории осуществляет диалектика взаимопонимания о «сути дела».

В том же «Федре» устами Сократа выражается интересное замечание о познании истины через язык: «Подлинного искусства речи, сказал лаконец, нельзя достичь без познания истины, да и никогда это не станет возможным» [7, с. 170]. Гадамеру близок подобный взгляд. Рассказчик не сможет достичь доверия и признания читателями своего нарратива без стремления к истине.

Основой любой интерпретации, а значит и понимания, является диалектика истинного и неистинного. Историк не просто высказывается об исторических событиях, а изучает их в контексте постоянного стремления к достоверности. К сложной и безграничной, как сама вселенная, теме истины философ обращался и в других работах [3].

На достижение договорённости о сути проблемы влияет готовность каждой из сторон как слушать, так и услышать друг друга. Это не означает попыток посмотреть на ситуацию глазами другого человека, такое вряд ли получится из-за невозможности погрузиться в другое сознание. Не обо всём можно сказать или написать сразу. Разговор, нацеленный на взаимопонимание, требует терпения и призван сблизить собеседников, по мысли Гадамера, согласовать их горизонты восприятия и понимания. Важно научиться доверять друг другу и продолжать общение.

Определённым препятствием в достижении правдивости является использование историком собственных понятий в проводимом толковании. При поверхностном анализе возникает соблазн вслед за Х. Уайтом [11] и другими представителями нарративизма поставить все наши высказывания о прошлом в зависимость от их повествовательного выражения. Гадамер иначе смотрит на эту проблему и замечает, что исключать из интерпретации собственные понятия не только невозможно, но и вредно для познания прошлого.

Историк не просто создаёт язык своего исторического исследования на основе всем нам данного языка. Исследователь таким образом вводит в игру «собственные пред-понятия, дабы мнение текста действительно обрело язык» [15, s. 401]. Тем самым он позволяет преданию в виде источников говорить с нами и доносить смысл исторических событий, в соединении с опытом настоящего созидать нашу современность. Понятию «игры» Гадамер придаёт онтологический статус, а не культурологический как это было у Й. Хейзинги [12]. Игра предстаёт способом осуществления герменевтической ситуации и реализацией понимания.

Через игру интерпретатор вводит в действие свои предрассудки и предсуждения, позволяя игровой деятельности быть видом толкования. У Гадамера играющего не стоит понимать как носителя субъективного мнения, т. к. игра сама является субъектом собственного движения. Речь идёт не об игре с языком, а об игровой деятельности самого языка. В этом важное отличие герменевтики

Гадамера от теории языковых игр Л. Витгенштейна [2]. Удивительно, что такое «заигрывание» ориентирует нас на стремление к истине [15, s. 493–494].

Глубина мысли Гадамера защищает такую позицию от обвинений в релятивизме: «Мы видели: понимать текст всегда означает применить его к нам самим, зная, что всякий текст, если он всегда понят по-другому, всё же тот же самый текст, каждый раз представляющийся нам по-разному. Этим ни в малейшей мере не релятивизируется притязание на истинность каждого истолкования, и из этого ясно, что всякое истолкование приближается к языковому характеру (Sprachlichkeit)» [15, s. 401–402]. Чтобы оправдать свою претензию на истину, исторический опыт должен быть нарративно артикулирован.

Наряду с достижением в данном вопросе возникает затруднение. А как определить, насколько используемые слова адекватно описывают историческую эпоху? Дополняя учение Гадамера, предположим, что критерием истинности для историка выступает временная дистанция, закрепляющая то или иное слово, суждение в традиции и в историческом опыте.

Философ указывает, что историческая терминология иногда несёт на себе следы определённой идеализации, при этом довольно точно передавая смысл исторических событий. Дополняет этот сюжет мнение доктора исторических наук, специалиста по истории Древней Руси Н. Борисова: «Заметим сразу, что принятые в нашей исторической традиции термины – татары, монголы, татаро-монголы, монголо-татары – не имеют однозначного этнического содержания и обозначают вообще жителей степей, кочевников. Мы также не считаем нужным отказываться от понятия «татаро-монгольское иго», которое при всей его условности и литературной метафоричности всё же достаточно адекватно отражает специфический характер отношений Руси и Золотой Орды» [1, с. 6]. Всё это сопрягается с высказанной Гадамером задачей языка исчерпывающе и достоверно раскрывать содержание явлений и событий в истории.

Философ указывает на ещё один аспект проблемы словоупотребления: «Теперь спрашивается больше не о деле бытия и способе бытия (Mittelsein) слова, а, напротив, о средстве (Mittel) слова, что и как. Вопрос движется теперь не от вещей к бытию и посреднической роли слова, но от слова-посредника к тому, что и как оно опосредует, т. е. именно к тому, кто его употребляет» [15, s. 416]. Делается принципиальное замечание о важности того, кто говорит или пишет.

Таким образом, в гадамеровской концепции исторического опыта появляется проблема человека, повествующего о прошлом. Эта идея будет подхвачена Рикёром в нарративной теории и выражена мыслью о важности того, от чьего имени идёт исторический рассказ и в каком контексте. Согласимся, для исторического исследования значим вопрос, кто его ведёт, насколько компетентен автор повествования и как он выстраивает диалог с остальными исследователями.

Гадамер понимает язык, как бытие «отображённого прошлого», а не просто систему знаков, благодаря чему исторические события являют себя нам и делаются доступными для осмысления. Именно этот онтологический базис фундирует историческое исследование и созидание исторического опыта.

Различные «оттенки смысла» рассматриваемый феномен проявляет в национальных языках (немецкий, французский, английский и т. д.), которые являют опыт истории своих народов. Подобная перспектива позволяет Гада-

меру высказать идею исторической обусловленности любого конкретного языка онтологией человеческого существования, универсальной по своей сути, что не мешает языкам в зависимости от грамматических, синтаксических и иных особенностей по-своему выражать разные жизненные миры.

И здесь, как указывает Т. Черниговская, нас подстерегает проблема перевода особого рода: «Не переводятся языки поэзии, живописи, музыки, танца на линейный вербальный язык “простой” прозы... Как не переводятся сны, тонкие и смутные состояния, бессознательные процессы, вкусы и особенно запахи, медитации и настроения...» [13, с. 27]. Эти пласты смысла являются важной частью мышления и должны быть учтены при повествовательной фиксации нашего опыта. Всё это Черниговская называет понятием *qualia* (ощущения от первого лица, субъективная реальность), а Гадамер – пред-суждениями. Верно подмечая связь словесного толкования и искусства, автор «Истины и метода» не предлагает более подробной проработки этого сюжета.

В заключении зададимся вопросом: какое значение для теоретического и практического потенциала герменевтики и для конкретных практик исторического исследования имеют воззрения философа на язык?

Гадамер понимает языковой феномен шире и глубже простого инструмента рефлексии. Язык являет наше бытие, историчность человеческого существования. Историческое исследование, имеющее научный характер, стремится «объективировать» наш исторический опыт, описать его в определённой взаимосвязи и логическом порядке. Философ призывает историков учесть мир наших предрассудков и пред-суждений в своих изысканиях.

Язык не даёт полного понимания, как исторический рассказ связан с нашим бытием. При этом он позволяет письменно фиксировать проявления такой взаимосвязи и осмысливать их. Достоинством герменевтики языка Гадамера является не только глубокий онтологический анализ данного явления, но и попытка, пусть и обзорно, охватить всё многообразие языковых практик.

Свидетельством чему служит наблюдение относительно разных видов устного и письменного языка, а также о многообразии национальных языков, задающих разные оттенки восприятия прошлого. Наряду с положительными достижениями в ряде языковых сюжетов не предлагается их подробное изложение. Однако, взгляды философа отличаются цельностью и дают необходимый фундамент, позволяющий дополнить теорию мыслителя в последующих исследованиях исторического опыта и языка.

Гадамер обосновывает возможность исторического исследования за счёт анализа его онтологических основ. Это является принципиальным моментом его теории и раскрывается на примерах нарративной фиксации временного опыта, проблем перевода, словоупотребления, диалогического взаимопонимания о «сути дела» и т. д. Онтология языка демонстрирует возможность повествовательного оформления опыта и, что особенно важно, оправданное притязание текстов на истинность. Достигается это как за счёт адекватного раскрытия языком самого дела, так и вплетённости всех форм говорения и письменности в наше бытие. Является язык – является понимание.

Список литературы

1. Борисов Н.С. Михаил Тверской. М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2017. 284 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: «Гнозис», 1994. 612 с.
3. Гадамер Х.-Г. Что такое истина? // Логос. Философско-литературный журнал. Вып. 1. М., 1991. С. 30–37.
4. Данилевский И. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
5. Данто А. Аналитическая философия истории. М: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем. Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
7. Платон. Федр // Собр. соч.: в 4-х томах. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135–191.
8. Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 400 с.
9. Сёрл Дж. Введение // Философия языка / ред.-сост. Дж. Сёрл. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 6–22.
10. Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. 412 с.
11. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
12. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 416 с.
13. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.
14. Этьен Р. Юлий Цезарь. М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2009. 299 с.
15. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1990. 495 s.

H.-G. GADAMER: HISTORICAL EXPERIENCE AND NARRATIVE

A.V. Tashkin

Tver State University, Tver

The article examines H.-G. Gadamer's understanding of the role of language in historical knowledge. His position is compared with the ideas of the Anglo-American philosophers who turn to this thematic field. The influence of the language interpretation proposed by Gadamer on his understanding of historical research and historical experience in general is revealed. An attempt is made to show the unity and interrelation of the categorical apparatus of Gadamer's philosophical hermeneutics in the light of the language problem.

Keywords: *language (Sprache), narrative, narration, tradition, tradition, historical experience, language phenomenon, interpretation, interpretation, explanation, truth, fore-judgment, understanding (Verstehen).*

Об авторе:

ТАШКИН Андрей Васильевич – магистр истории, аспирант каф. философии и теории культуры, Тверской госуниверситет, г. Тверь. E-mail: ntrickster@mail.ru

Author information:

TASHKIN Andrey Vasilyevich – PhD Student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: ntrickster@mail.ru